

— В драмкружок Анатолия Ивановича Дмитриева при Тульском Дворце пионеров Вы пришли учеником четвертого класса. Какие уроки Дмитриева запомнились Вам на всю творческую жизнь?

— Дмитриев — настоящий художественный воспитатель. Я знаю, что Анатолий Иванович до последнего времени продолжал работу на прежнем своем месте. То, что он давал, даже нельзя назвать азами. Ведь мы играли настоящие роли в обыкновенных спектаклях, то есть выполняли нормальную актерскую работу. Он не признавал беганья из кружка в кружок и требовал серьезного отношения к делу, полной отдачи.

— Ваш отец, Михаил Яковлевич, всю жизнь проработал на оружейном заводе, мать, Лидия Федоровна, — на железной дороге. Вы выросли в рабочей семье. Как в доме относились к тому, что сын будет артистом?

— Осторожно. «Если это так, ну, хорошо, пусть это будет так». Чаше приходится наблюдать обратное.

— В каком районе Вы жили?

— Мне довелось жить в разных местах и учиться в разных школах. Я не тульский с улицы такой-то, я тульский вообще. У меня был очень широкий круг знакомств, общения. Так что, получается, я «всехний».

— Самое сильное детское впечатление?

— Впечатления детства все сильные. Я мог бы говорить о них целый вечер и счастлив, что это так. Они — мой актерский багаж. Такое чувство, что стоит прикоснуться к любому тайнику памяти, и пахнут воспоминания. Ситуации, случаи всплывают как по заказу, а казалось, что они уже мертвы навсегда. Любовь — это память. Я и задачу искусства вижу в том, чтобы воспитывать людей, богатых памятью, а не «Иванов, не помнящих родства».

— Можно ли забыть Тульский кремль? Простой человек ничего забывать не должен, художник — права не имеет (правда, я не люблю слова «художник» — громковато...).

Все живо, все памятно, любая мелочь: и как на стадион «зайцами» лазили через забор, и как с соседом Игорем Москалевым (сейчас он главный режиссер Тульского кукольного театра) в сарае во дворе свой театр делали. Сами писали пьесы, инсценировали рассказы, сами играли. И билеты «продавали», сами: не за деньги, конечно, но обязательно, чтоб из окошечка кассы, с указанием ряда и места... И вообще, когда будете писать, вы, пожалуйста, как-нибудь по-особому подчеркните, что такое для меня Тула. Делайте это смело. Сам я просто боюсь, что не так скажусь...

— Туляки давно и заинтересованно следят за Вашим творчеством. В шестьдесят восьмом году газета «Коммунар» опубликовала материал о Вас. Статья называлась «Человек счастливой судьбы». Как бы Вы сейчас отнеслись к такому утверждению?

— Я с ним согласен. Вы знаете, кто такой счастливый человек? Это человек, занятый своим делом. Все эти годы я был всецело занят своим делом. Понимаете? Своим, а не вашим, не чужим, не чьим-то.

— Приходится ли Вам наблюдать пассивность среди очень молодых людей? Как вы относитесь к образу «скуучащего» героя на сцене?

— Я не очень молодой и пассивность эту действительно наблюдаю. А так как провожу много времени среди людей своей профессии, то часто бездействие вижу именно у творческой молодежи. Я понимаю, что рискую впасть в брюзжание, но иной раз просто нельзя не подумат: «Позвольте, но уж до такой-то степени ничего не хотите!»

Лично мне находиться в «пассиве» не позволяло ни патура, ни темперамент. А те, кого мы играем, ведь не случайно называются «действующие

Невинный любит слово «фокус». Мечтательно рассуждает: «Вот бы фокус получился...». Решительно отвергает: «Здесь такой фокус не пройдет!» Недаром интервью с ним похоже на сеанс иллюзиониста, выбравшего театральный жанр. В старину это называлось «лицедейством». Мы бы сказали «моноспектакль», «театр одного актера».

Невинный думал, что рассказывает, но он представлял. Полуулыбка, жест, движение глаз — оживали Чичиков и Хлестаков. Метаморфозы совершались по законам волшебства — неудовимо. Важный старик в кресле брюзжал, «что нынче все не то, что было прежде». Едва разговор коснулся драмкружков, как кто-то юный угрожающе заявил: «Хочу—запишусь, хочю — выпишусь!»

«Почему вы смеетесь? — недоумевал Невинный. — Я же ничего смешного не говорю?» Я ссылаюсь на пример из одного солидного журнала. Там писали, что если Вячеслав Невинный прочтет с экрана телефонную книгу, зрительный зал все равно обхохочется. «Ну, это преувеличение», — не соглашался мой собеседник.

Действительно, разговор в тот вечер шел не на смешные темы. Один из ведущих актеров Московского художественного академического театра им. Горького, народный артист РСФСР В. М. Невинный говорил о вещах серьезных.

«любовь — это память»

НАШ ЗЕМЛЯК ВЯЧЕСЛАВ НЕВИННЫЙ
О ТЕАТРЕ И О СЕБЕ

лица», а не «чувствующие лица». Мой труд состоит в том, чтоб всесторонне воздействовать на партнера. Попробуйте сделать это безучастно! Зритель приходит в театр, чтобы узнать: кто же, наконец, кого? Плохой — хорошего или хороший — плохого? А если все ясно в первой картине... Мы на сцене обязаны все время заниматься борьбой, а бездельный герой меня никуда не зовет, и идти за ним — некуда.

Достаточно вспомнить о спорте. За пассивное ведение боя снимают очки или ставят «баранку». Не надо думать, что в жизни этого не происходит.

— Вячеслав Михайлович, скоро 20 лет, как Вы работаете во МХАТе, снялись за это время почти в тридцати фильмах. Мы часто слышим Вас по радио, видим на телеэкране. А в минувшем году узнали еще и как режиссера спектакля «Ревизор», возобновленного во МХАТе.

— Тяготение к режиссуре у меня было всегда. Но в данном случае я занимался не постановкой: она принадлежит М. Н. Кедрову. Спектакль одно время не шел, и моя задача была «запустить» его заново. Сам я в «Ревизоре» много лет играл Хлестакова, а свою режиссерскую цель видел в том, чтобы придать действию особый динамизм, сценическую стреми-

тельность. Чтобы когда Хлестаков уехал, все словно спохватились: «Да был ли он вообще?»

Что есть возобновление спектакля? Это значит снять с него кору, застарелый нарос. Слово реставрация картины или когда корабль после долгого плавания очищают днище. И все же это совершенно особое, театральное, действо. Положим, спектакль поставлен полвека назад и идет по сегодняшнему дню. За это время весь мир успел измениться. Раньше зрители говорили: смотри, вот что страшно, — и он соглашался. Но с тех пор атомные бомбы упали на Хиросиму и Нагасаки, причем одна из них называлась «Малыш», а другая «Толстяк». И зритель уже страшно другое. Страшно, что бомбы назывались так. Страшно, когда детей расстреливают у деревянных изб. Никто уже не поверит в том, предыдущем случае. Зритель стал другой.

А театр, он весь принадлежит зрителю. Я, знаете ли, выхожу на сцену и после двух-трех реплик, брошенных в зал, почти наверняка могу сказать, каков сегодня зрительский контингент в нем. Театр в этом смысле феномен...

— Вячеслав Михайлович, должно быть, у Вас особое отношение к Гоголю? «Ревизор»,

«Мертвые души»; столь непохожие роли, как Хлестаков и Земляника; предприимчивый Чичиков и губернатор, который «вышивал по тюлю»...

— Я играл Хлестакова 12 лет. Вы знаете, что значит играть Хлестакова? Это каждый раз просыпаться утром и знать, что вечером надо спуститься в шахту и нарубить восемь тонн угля. Я не преувеличиваю — такая роль. Три действия — с меня три рубашки вон. Но ведь это Хлестаков!.. После спектакля получаешь редкостное удовольствие, если сопротивление материала преодолено и барьер взят.

А чего добивается Чичиков? В школе мы на это отвечаем: (Невинный делает озабоченное школярское лицо): «Он хотел быть богатым». То есть желал делать то, что недозволено другим. Я играю Чичикова как карикатуру на Наполеона. Я ему и эту прядь, если хотите, специально на лоб опустил, чтобы придать внешнее сходство. Я хочу сказать, что Чичиков очерчен Гоголем так же страшно, как и Плюшкин, как и Собакевич. А раньше его гримировали, не шаржируя, грубо говоря, «нормальным». Иное дело Хлестаков. Это если бы в компании дворняг, с отвислыми ушами и в репьях, вдруг появилась болонка, опрысканная духами. Чичиков же — свой среди своих. Работа над ним только началась. Я уже вышел в спектакле, но это не значит, что я сыграл роль. Пьеса пройдет энное количество раз, пока (неизвестно когда и получится ли вообще) я добьюсь того, что хочу. Это должна быть роль ошеломляющего действия.

— Давняя и пока что не осуществленная актерская мечта? Если можно, расскажите о Ваших творческих планах.

— Мои творческие планы — это планы производства, театра. Актер — зависимая профессия. Недавно я снялся в двух фильмах, которые еще не вышли на экран. У Гайдая, в «Инкогнито из Петербурга», где играю Землянику, а также в фильме режиссера Швейцера «Смешные люди». Здесь, в экранизированной новелле Чехова «Толстый и тонкий» играю, как ни странно, Тонкого.

А вообще я уже вступил в тот творческий возраст, когда самое важное — не какую роль делать, а с кем (я имею в виду режиссера) и зачем. Другими словами, самое главное для меня — само явление, которое предстоит исследовать.

— Какая тема в искусстве кажется Вам сегодня наиболее актуальной?

— Я хотел бы, пока не знаю, в каком жанре, сыграть что-то антивоенное. Очень хотелось бы сделать что-то сильное, обезоруживающее... Может, это голубоглазый добрый Швейк?

— Ваша любимая роль?

— Я все роли люблю до тех пор, пока спектакль живой. Когда он умирает, начинаешь охлаждать и к роли: я не могу сказать ничего нового на сегодня, и меня это мучает, угнетает.

— Скажите несколько слов о Тульском ТЮЗе, где состоялся Ваш профессиональный дебют.

— Я готов подписаться под всеми теплыми словами, которые можно сказать о Тульском ТЮЗе. Не потому, что я провел там первый сезон, а потому, что это — настоящий театр. Я и сейчас всякий раз, когда бываю в Туле, захожу в его здание, поднимаюсь на старенькую сцену... Мы все прошли через него — я и мои друзья, теперь актеры Тульского театра драмы: Николай Горюнов, Евгения Пчелкина, Борис Федотов... А знаете, чего мне больше всего хотелось бы? Сыграть на сцене Тульского драмтеатра, у Рахлина. Или на гастроли приехать, или, еще лучше, участвовать в их спектакле. Вот если бы там, к примеру, шел «Старый новый год», сыграть Себекина... сделать бы такой фокус.

— Вячеслав Михайлович, если бы я предложил Вам задать вопрос самому себе?

— Считаю мои последние слова ответом на такой вопрос.

О. КАРПИЙ.
ФОТО В. СОКОЛОВА.